

ПО ЯПОНИИ

(записки миссионера)¹⁾

У православныхъ Курильцевъ.

1—13 августа. Въ 8 часовъ утра „Кванко-мару“ (почетное судно, уже больше тридцати лѣтъ украшающее собою океанъ) вышло въ свой обычный рейсъ по Курильскимъ островамъ. Мы поѣхали втроемъ съ о. Игнатіемъ. Дулъ было вѣтеръ, но скоро затихъ, и мы плыли точно по рѣкѣ, судно почти не шелохнется. Можно, слѣдовательно, было погулять и по палубѣ, посмотрѣть кругомъ. Налѣво отъ насъ и сзади виднѣлись сначала высоты Езо, потомъ самаго южнаго изъ Курильскихъ—Кунасири, за нимъ долженъ быть Итрупи (самый большой въ группѣ) и т. д. до Камчатки. Мы повернули отъ этихъ острововъ вправо. Сикотанъ какъ-то отбился отъ группы и затерялся среди множества другихъ мелкихъ островковъ, низменныхъ и плоскихъ. Нѣтъ на нихъ ни дерева, ничего,—одна только зеленая трава покрываетъ. По словамъ капитана, ночью, особенно же въ туманѣ, здѣсь плавать очень безпокойно и, пожалуй, опасно: маяковъ нигдѣ нѣтъ, карты довольно неточныя, того и гляди наскочишь на какой-нибудь изъ этихъ невидимыхъ островковъ.

Часа чрезъ 4 ходу на горизонтѣ ясно стала означаться острокопечная вершина, это и есть Сикотанъ. Еще часа два и мы начинаемъ обходить его слѣва и долго идемъ вдоль береговъ, отыскивая входъ въ его удивительную бухту. Берега очень круты, обрывисты, на горахъ трава, мелкія деревья. Съ наружи не особенно привѣтливо, но вотъ откроется

¹⁾ См. апрѣльскую книжку В В

долинка, зеленая, веселая подъ лучами солнца, такъ и думается, что всегда и тепло и уютно за сѣрыми горами. Совѣтъ нельзя подумать, что ясный денекъ здѣсь рѣдкость, что здѣсь постоянно почти туманы, зимой стужа, лѣтомъ сырость.—Наконецъ, мы подошли къ какому-то циклоническому бастиону: громадныя черно-фіолетовыя скалы стоятъ стѣной. Мы слегка заворачиваемъ, и вдругъ скалы точно раздвигаются, между ними сверкнулъ узкій проливчикъ, а за нимъ, точно въ панорамѣ далеко-далеко, показывается внутренняя бухта и долина съ домиками. Эффектъ поразительный! Пароходъ пробирается по проливчику и входитъ во внутреннюю бухту. Она очень напоминаетъ собою нагасакскій рейдъ, только кажется еще болѣе закрыта, такая же круглая, также хорошо защищена отъ вѣтровъ. Говорятъ, только мелка, поэтому и пароходъ нашъ остановился далеко отъ берега. Прямо предъ нами на низменномъ ровномъ берегу уходятъ вдаль двумя порядками небольшія домики—лачужки,—это и есть деревня нашихъ курильцевъ. Тутъ же подлѣ поднимается очень хорошо построенный молитвенный домъ, крестъ котораго можно различить и съ парохода. На правомъ берегу бухты стоитъ полугеорпейскій домъ—жилище правительственныхъ чиновниковъ. Коегдѣ по зеленымъ горамъ виднѣются загороди, иногда домики, отчасти обработанныя поля. Это слѣды японскаго поселенія, такъ какъ наши курильцы къ земледѣлю особенной склонности не имѣютъ. Впрочемъ, японцевъ здѣсь очень мало. Едва ли кто изъ нихъ и живетъ постоянно, кромѣ правительственныхъ чиновниковъ и доктора. Остальные наѣзжаютъ сюда только для промысловъ во время лова рыбы и т. п. Нужно сказать нѣсколько словъ о происхожденіи этой курильской деревни.

Какъ извѣстно, въ старые годы Курильскіе (сѣверные острова принадлежали Россіи. Жившіе на нихъ курильцы были просвѣщены христіанствомъ знаменитымъ Иннокентіемъ. У нихъ были и молитвенные дома, жили съ ними и русскіе миссіонеры. Но вотъ почему-то нашли необходимымъ промѣнять острова на южную половину Сахалина, которую и сами японцы не считали своей. Большая часть курильцевъ не пожелала оставить русскаго подданства и переселилась на русскую территорию, вмѣстѣ съ собою перенесла и свои

молитвенныя дома и пр. Но одна деревня, жившая подъ самой Камчаткой на Парамусиро, пожалѣла тамошнихъ прекрасныхъ ловель и охоть и рѣшила перейти въ японское подданство. Послѣдствія получились самыя печальныя. Прежде всего курильцы лишились духовнаго руководства, потому что русскіе миссіонеры считали себя уже не въ правѣ вѣдѣть на японскую территорію. Такъ прошло лѣтъ двадцать. За все это время курильцы не видали священника. Крестинсь и хоронилсь сами. Богослуженіе отправляли сами. По преданію отъ стариковъ дѣтямъ передавали вѣру. И нужно только удивляться, съ какою тщательностью блюли они все, чему ихъ научили миссіонеры. Можетъ быть, въ вопросахъ догматическихъ они и не были такъ искусны, какъ, напр., наши японскіе христіане: такъ подробно некому было ихъ научить. Но зато церковный строй, необходимость молитвы, страхъ Божій, заповѣди христіанскія, все это нашими простыми курильцами усвоено и хранится такъ хорошо до сихъ поръ, что священники-японцы не нахвалятся ими, первые же японцы-католики, попавшіе къ нимъ, потомъ со слезами рассказывали на соборѣ, какую горячую вѣру видѣли они на Сикотанѣ. За духовнымъ сиротствомъ послѣдовало и тѣлесное; небольшая деревушка оказалась совершенно одинокой на своемъ островѣ, родичи всѣ переселились въ Россію, сосѣдніе острова опустѣли. да и японцевъ поблизости не было никого. Ни мѣнковой торговли, ничего подобнаго производить стало не съ кѣмъ. Только разъ въ годъ приходилъ японскій казенный пароходъ, который привозилъ имъ рѣсу и другихъ съѣстныхъ припасовъ; нужно еще благодарить японское правительство, что оно взяло на себя трудъ и издержки даромъ надѣлять ихъ пищей, безъ этого положеніе деревни было бы безысходно. Но вотъ векорѣ правительство вполне естественно почувствовало все неудобство имѣть курильскую деревню въ такой дали отъ себя. Чего стоитъ—отправлять туда пароходъ? притомъ, кромѣ доставки пищи курильцамъ посылка эта не имѣла тогда никакого другого смысла. Рѣшили перевести ихъ поближе и для этого избрали островъ Сикотанъ: на южные Курильскіе острова регулярно ходилъ почтовый пароходъ, для него не составляло особенной трудности завернуть и на Сикотанъ. Послѣ долгихъ убѣжденій (чиновникъ, говорившій по русски, даже

Христово учение приводилъ въ качествѣ довода) удалось курильцевъ какъ-то заманить на пароходъ, а потомъ не тѣряя времени зажгли ихъ деревню, а самихъ скорѣе увезли. Это было лѣтъ десять тому назадъ. Такимъ образомъ, погнавшись за богатыми ловлями, наши курильцы потеряли все.

На Сикотанѣ они стали вымирать: переселилось ихъ 115 человекъ, а теперь-всего только 62, да и среди этихъ очень многіе заражены чахоткой, есть нѣсколько уродовъ. Что причиною этого вымиранія, можно думать различно. Прежде всего, конечно, неблагоприятный климатъ Сикотана, къ которому курильцы не могли приспособиться при своей примитивной культурѣ. Не мало могли повліять и условія сикотанской жизни, питанія и пр. Охота и ловъ рыбы не были такъ хороши, какъ на Парамусиро, а правительственная субвенція сильно прилипла къ рукамъ чиновниковъ, особенно управляющаго островомъ. Пришлось питаться впроголодь. Главное же, курильцы не имѣли сношеній ни съ кѣмъ постороннимъ, родичи были далеко, японцы тоже, да съ этими послѣдними, какъ язычниками, и сами курильцы въ родство не вступали, пришлось заключиться въ свою узкую средину, въ свою деревню. Понятно, что въ небольшой деревнѣ, скоро все оказалось въ родствѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становилось при бракѣ соблюдать церковныя постановленія. Уже и теперь многіе браки сомнительны въ этомъ отношеніи, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько необычны, дальше же будетъ еще затруднительнѣе. Отъ этого и болѣзни, отъ этого и уродства. Единственное спасеніе для курильцевъ сдѣлаться настоящими японцами, постепенно слиться съ главнымъ народомъ, иначе деревнѣ грозитъ неминуемая смерть.

Переселеніе на Сикотанъ было тѣмъ хорошо, впрочемъ, что курильцы пришли въ сношеніе съ нашею миссіей. Сношенія эти сначала не могли быть особенно часты, потому что пароходъ ходилъ туда разъ въ мѣсяць, да и то только лѣтомъ. Но все же это было лучше, чѣмъ на Парамусиро. Вскорѣ послѣ переселенія пришли на Сикотанъ и вѣстники отъ миссіи: о. Титъ Комацу и катихизаторъ Алексѣй Савабе (сынъ нашего перваго христіанина о. Павла Савабе). Нечего и говорить, какъ были рады курильцы опять видѣть свя-

щенника. Но, боясь ложныхъ учителей, долго они колебались, не видя на священникѣ привычной имъ рясы. Только когда увидали его въ облаченіи, увидали какъ онъ служить, все успокоились и съ радостію начали подходить къ нему подъ благословеніе, истово цѣлуя его руку. Съ тѣхъ поръ сношенія проходятъ постоянно. Священники, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ тамъ бывають, оставаясь по мѣсяцу и болѣе. Катихизаторъ Монсей пробылъ тамъ даже и зиму, обучая курильцевъ церковному пѣнію и молитвамъ, проповѣдуя. Непривычному среди нихъ жить не особенно легко. Радущію и угостительности ихъ нѣтъ, конечно, границъ, каждый день несутъ самое лучшее изъ своего улова для дорогого гостя. Но кромѣ рыбы, кое-какъ завяленной на кострѣ, тамъ ничего достать нельзя, а японецъ безъ риса также, и даже болѣе, не можетъ жить, какъ и мы безъ хлѣба.

Постоянная связь съ міромъ, посѣщенія священниковъ и катихизаторовъ для управляющаго островомъ были всего болѣе неприятны. Посѣтители увидавъ на мѣстѣ злоупотребленія, не замедлили разнести ихъ по всей Японіи, заговорили объ этомъ газеты, и бѣдный губернаторъ принужденъ былъ переселиться въ старую Японію. Съ тѣхъ поръ и правительственная субсидія достигаетъ курильцевъ, жить стало легче. Правительство стало относиться къ нимъ еще заботливѣе. Теперь для этой заброшенной на островокъ деревушки съ 62 человекѣми населенія содержатся учитель (соединяющій вмѣстѣ съ тѣмъ должность писаря при правителѣ и еще что-то), постоянно живетъ докторъ, для котораго курильцы уступили одинъ изъ лучшихъ своихъ домиковъ. Теперь почти все говорятъ по японски, дѣти же, кажется, кромѣ японскаго не знаютъ никакого другого. Только очень немногіе, человекѣ два-три изъ стариковъ очень чисто говорятъ по русски. Русское вліяніе сказывается и въ костюмѣ; женщины положительно напоминаютъ собою нашихъ посадскихъ крестьянокъ, тоже платье, тотъ же платочекъ на головѣ. Лица ихъ не такого рѣзко монгольскаго типа, какъ японцевъ, мнѣ показалось въ нихъ даже нѣчто общее съ нашими малороссами. Малу-помалу вводится и японскій костюмъ, особенно среди мужчинъ.

Во главѣ курильской общины стоитъ староста, которому

они и подчиняются, совершенно какъ отцу. Теперь у нихъ очень хорошій староста—Яковъ Сторожевъ, самый развитый изъ всѣхъ нихъ и едва ли не самый усердный къ церкви. Онъ можетъ писать (конечно, не вполнѣ правильно) по русски, знаетъ и японское письмо въ извѣстной степени. При сношеніяхъ выучился отчасти по англійски: туда иногда заходятъ англійскія и американскія шкуны для ловли котиковъ и пр. Яковъ и состоитъ до сихъ поръ главнымъ требо-исправителемъ и учителемъ вѣры для своихъ односельчанъ. Онъ же, по воспоминаніямъ о Парамусиро, выстроилъ и молитвенный домъ, въ которомъ совершается въ деревнѣ Бого-служеніе.

По словамъ о. Игнатія, курильцы живутъ между собой совершенно по братски. Преступленій какихъ-нибудь между ними не было до сихъ поръ. Наоборотъ, стоитъ кому-нибудь изъ нихъ хоть что-нибудь приобрести или получить, онъ снѣ-жить подѣлиться этимъ и со своими односельчанами. Охота или ловля считается общимъ достояніемъ. Все, что поймается, дѣлится поровну между всѣми, при чемъ первая, двойная часть откладывается Якову. Въ такой чистотѣ сохранились они, конечно, благодаря тому, что хорошо были обучены христіанству сначала, глубоко, сердечно приняли вѣру. А потомъ ихъ изолированность предохраняла ихъ отъ всякихъ соблазновъ со стороны языческой среды. Теперь вотъ приходится нѣсколько опасаться за слѣдующія поколѣнія: покуда живы старики, конечно, христіанскій укладъ жизни останется непоколебимъ, но что будетъ потомъ? Сношенія съ язычниками теперь постоянны, а съ развитіемъ курильцевъ, будутъ еще тѣснѣе. Устоятъ ли они противъ различныхъ искушеній? Такъ, по крайней мѣрѣ, безпокоился о. Игнатій. Впрочемъ, въ послѣднее время поднятъ былъ вопросъ объ обратномъ переселеніи курильцевъ на ихъ старое пепелище, на о. Парамусиро, куда постоянно стремились ихъ старики. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ японскій лейтенантъ съ страшнымъ шумомъ, съ публичными рѣ-чами, пожертвованіями, набралъ нѣсколько охотниковъ и отправился съ ними на самый дальній изъ Курильскихъ острововъ сторожить границы своего отечества отъ втор-женій враговъ, т. е. Россіи (японцамъ даже и съ Камчатки чудится русское нашествіе). Теперь этихъ охранителей, ко-

нечно, приходится ежегодно навѣщать, отвозить имъ почту, съѣстные припасы и пр. Пароходъ, такимъ образомъ, можетъ навѣщать и курильцевъ на Парамусиро, это особыхъ расходовъ не потребуетъ. Прошлымъ лѣтомъ въ видѣ опыта на Парамусиро отправлена была одна семья и, возвратившись на Сикотанъ, съ восторгомъ рассказывала односельчанамъ о тамошнихъ богатыхъ ловляхъ, объ охотѣ и пр. Навѣрное, на слѣдующій годъ или нѣсколько послѣ курильцы оставятъ Сикотанъ. Конечно, трудно будетъ посѣщать ихъ регулярно для духовнаго назиданія и причащенія, зато они будутъ вдали и отъ соблазна. Хотѣлось бы воспитать хотя одного изъ нихъ въ качествѣ проповѣдника, а со временемъ и священника, но брать ихъ въ школы старой Японіи запрещается.

Между тѣмъ, на берегу, какъ мошки, забѣгали люди. Небольшая лодочка съ однимъ гребцомъ потянулась съ лѣваго берега на правый къ правительственному дому: нужно къ пароходу доставить полицейскаго, безъ котораго никому нельзя ни сойти съ парохода, ни взойти на него. Это, очевидно, въ предупрежденіе всякой контрабанды. Конечно, это, можетъ быть, и хорошо, только ужасно долго выходитъ. Для насъ же каждая минута была дорога; мы могли пробыть здѣсь неболѣе четырехъ часовъ, пока стоитъ пароходъ. (Любезный капитанъ и безъ того уже нѣсколько затянулъ стоянку, чтобы дать намъ больше времени). Изъ деревни отвалила другая большая лодка весель въ восемь и тихо стала подходить къ пароходу подъ монотонный причѣтъ ея гребцовъ. Гребцами оказались женщины; мужчинъ было только трое. Здѣсь, по словамъ о. Игнатія, постоянно гребутъ и разгружаютъ пароходъ женщины, которыя съ виду всѣ очень здоровыя и сильныя. Насъ сюда никто не ждалъ. Нечего и говорить, поэтому, съ какимъ любопытствомъ и радостью смотрѣли на насъ прибывшіе. Всѣ они были христіане, всѣ называли себя христіанскими именами, подходили къ владыкѣ и къ намъ съ о. Игнатіемъ подъ благословеніе. „Здравствуй, здравствуй“, слышалось отъ нихъ. О томъ, что въ Тоокео есть епископъ и что онъ называется Николаемъ, всѣ конечно, давно знали, не разъ ему и письма писали, получали и подарки, теперь въ первый разъ увидали лично. Жаль только, что не зная о нашемъ приѣздѣ, почти всѣ ихъ мужчины

отправились куда-то далеко на рыбную ловлю, ушло семнадцать человекъ, въ томъ числѣ и самый замѣчательный изъ нихъ Яковъ, который такъ хотѣлъ повидать преосвященнаго Николая. Въ деревнѣ остались почти только женщины и дѣти. Дѣлать было нечего: ждать слѣдующаго парохода Владыкѣ нельзя было, пришлось ограничиться тѣмъ, что есть.

Мы сошли въ лодку и отправились на берегъ. Тамъ уже началась бѣготня, изъ деревни бѣжали къ морю, виднѣлись дѣти, не особенно много собакъ, какъ и слѣдуетъ въ курильской деревнѣ. Спрыгнувъ съ лодки на мокрый и рылый песокъ, вышли на берегъ, гдѣ поджидаль насъ Григорій, 53-хъ лѣтній курилецъ, довольно хорошо говорящій по русски. Его усы и коротко остриженная борода, бѣлая рубашка, съ висящими, длинными концами воротника, наконецъ, своеобразный выговоръ его, все было совсѣмъ хохлацкое. Удивительный типъ! Здравствуй! Слава Богу, что ты прѣхалъ. Я думалъ, что тебя ужъ и не увижу“, говорилъ онъ намъ. Пока не стемнѣло мы успѣли обойти ихъ хижинки, предварительно зашедши въ молитвенный домъ. Въ немъ очень хорошо, — небогато, конечно, но чисто, видимо устроили и украсили, какъ только могли и умѣли. Иконы присланы изъ нашей миссіи, есть и облаченіе для священника, сосуды, крестъ, евангеліе и пр.; на крылечкѣ виситъ даже и колоколь: кажется, остатокъ, прежняго молитвеннаго дома въ Парамусиро. Помолвившись немного, пошли по домамъ. А тамъ шла страшная суетня: матери сами одѣвшись въ лучшія свои платья, торопились переодѣвать и своихъ ребятшекъ. Жилища ихъ довольно убогія, раздѣляются на двѣ комнаты. При входѣ, въ полу большое „прорн“, очагъ, дымъ отъ котораго также ѣсть глаза, какъ и въ японскомъ домѣ. Слѣдующая—чистая комната. Тамъ на самомъ почетномъ мѣстѣ виситъ икона, иногда двѣ, стоитъ кровать съ охапкой соломы, вмѣсто перины; столикъ и какой-нибудь ящикъ, вмѣсто стула, довершаютъ убранство. За этимъ лѣтнимъ домомъ у каждаго помѣщается еще зимнее жилище, землянка. Туда можно проникнуть по очень низкому коридорчику. Внутри это небольшая комнатка, съ возвышенными—лежанками кругомъ, въ среднѣ мѣсто для костра и больше ничего. Свѣтъ проникаетъ только сверху въ боль-

шое дымовое отверстіе. Говорятъ въ этой копилкѣ зимой очень тепло, только, не знаю, насколько чисто и свѣтло. У многихъ завезены коровы. У Стефаниды же, самой работающей изъ всѣхъ и самой умной есть попытка на огородъ, посаженъ картофель и еще что-то. Это едва ли не первый примѣръ земледѣлія. Правительство старается приучить курильцевъ къ нему, но старанія эти, особеннымъ успѣхомъ не сопровождаются. Стефанида, дѣйствительно, замѣчательная женщина, высокая ростомъ, съ умными глазами, въ своемъ посадскомъ платьи и платкѣ она совершенно напоминаетъ русскую, какую-нибудь хозяйку большого постоялаго двора. Мы посидѣли у ней на ящикѣ, покрытомъ краснымъ байковымъ одѣяломъ. Хотѣлось бы поговорить съ ней, да языка подходящаго не нашлось: Стефанида не говоритъ ни на какомъ, кромѣ своего курильскаго, хотя понимаетъ нѣсколько русскихъ и японскихъ словъ. Языкъ вообще у нихъ очень бѣденъ; о. Игнатій сказывалъ, что они и между собою говорятъ какой-то смѣсью курильскаго съ русскимъ и японскимъ. Мы по дорогѣ осмотрѣли и плоды японской цивилизаціи: баню и школу. Японецъ безъ бани жить не можетъ. Ежедневно, или по крайней мѣрѣ, черезъ день для него необходимо взять ванну, всегда очень высокой температуры, отъ которой приходятъ въ ужасъ европейскіе доктора. Наоборотъ, курильцы такого расположенія къ водѣ не имѣютъ, да и условія ихъ жизни не таковы, чтобы недостатокъ ежедневной ванны ими сильно ощущался. По рассказамъ, айны и курильцы устраиваютъ себѣ царовую баню: въ какой-нибудь пещерѣ или лачужкѣ раскладываютъ большой костеръ, бросаютъ въ него камни; когда дрова прогорятъ, камни начинаютъ поливать водою и въ пару сидятъ подолгу. Это, можетъ быть, и есть прототипъ нашей русской бани. Конечно, часто такую баню устроить довольно трудно. Японцы не могли помириться съ такой первобытной баней и на казенный счетъ устроили для нашихъ курильцевъ очень хорошую японскую ванну, которой они и пользуются всѣ сообща.

Школа—небольшой европейскій домикъ, маленькая классная комнатка съ двумя-тремя столами для учениковъ: ребятъ школьнаго возраста здѣсь, конечно, очень немного. Нельзя не похвалить за это японцевъ. Какъ ни мала школа,

и какъ ни ничтожно жалованье учителю, а всетаки она чего-нибудь да стоитъ. Главное же, похвальна эта заботливость о ничтожной горсткѣ инородцевъ, заброшенныхъ на далекіи островкѣ и видимо вымирающихъ.

Уже совсѣмъ темнѣло, когда мы добѣгали послѣдніе дома, было больше шести часовъ, а въ девять пароходъ долженъ былъ сниматься съ якоря. Нужно было успѣть помолиться, совершить случившіяся требы. Зазвучалъ отъ храма колоколъ, изъ деревни потянулись христіане: собрались все до единого, только безногая старуха не могла стоять въ храмѣ, да одинъ молодой парень долженъ былъ что-то караулить въ правительственномъ домѣ. Такъ всегда они дѣлають, оставляя свои дома пустыми. Впрочемъ, и опасаться здѣсь некому: воровъ нѣтъ.

Молитвенный домъ освѣтился. Налѣво стояли женщины, все нарядныя, направо немногіе мужчины. Все стояли въ высшей степени чинно, смотря на иконы и истово совершая крестное знаменіе. Назидательно и умирительно было видѣть эту молитву. Никто не оборачивался, не переступалъ съ ноги на ногу. Впереди нѣсколько дѣвицъ и женщинъ подъ управленіемъ Иродіона, грамотнаго курильца, довольно недурно, хотя и не такъ стройно пропѣли, о. Игнатій по возможности имъ помогалъ. Мы привезли было и русскій служебникъ, думая утѣшить стариковъ русской службой, но оказалось, что въ настоящее время для нихъ привычнѣе и понятнѣе японская. Большинство по русски уже не знаетъ. Рѣшили поэтому служить пояпонски. Сначала о. Игнатій совершилъ надъ нѣсколькими дѣтьми таинство миропомазанія, прочиталъ молитвы родильницамъ. Потомъ я сталъ служить воскресную вечерню (для всенощной у насъ не было времени). Кончилась служба, Владыка, по японски, но на этотъ разъ стоя, такъ какъ никто не садился на полъ, сказалъ поученіе, конечно, самое простое, какое только могли понять эти просто вѣрующія души. Убѣждалъ ихъ нерушимо хранить вѣру, соблюдать Христовъ законъ также неуклонно, какъ они дѣлали это и доселѣ, что радуется всехъ вѣрующихъ въ Японіи; говорилъ имъ о постоянной молитвѣ къ нашему Невидимому, но постоянно видящему насъ нашему Небесному Отцу. Просилъ молиться о насъ, о церкви, быть благодарнымъ японскому императору и правительству, ко-

торые такъ о нихъ пекутся, молятся за нихъ, особенно о томъ, чтобы Господь и ихъ скорѣе просвѣтилъ свѣтомъ истины; убѣждалъ ихъ трудиться, воздѣлывать землю, потому что работа такая же неотмѣнная Господня заповѣдь, потому что только труждающіеся радуетъ Господа (это говорилось, главнымъ образомъ, въ виду присущаго курильцамъ нерасположенія къ земледѣльческому труду, лѣнивая привычка брать отъ природы только готовое; а эта привычка прямо губить ихъ).—Послѣ службы Владыка роздалъ всѣмъ христіанамъ по крестнику, по иконкѣ, каждаго благословилъ. Потомъ также поспѣшно мы направились въ домъ старосты Якова. Этотъ домъ стоитъ съ краю деревушки и отличается отъ другихъ своимъ нѣсколько болѣе порядочнымъ видомъ, хотя особенныхъ роскошей не имѣетъ и онъ. Въ этомъ домѣ около горящаго костра въ „прорѣ“ (дымъ въ счетъ не принимался) собрались всѣ христіане, на первомъ планѣ стояли и сидѣли ребята, а за ними всѣ обитатели, и старая Степанида, и безногая Нина, и Григорій. Началось самое интересное: раздача гостинцевъ. Жена Якова замѣняла собою мужа и съ помощью другихъ вымѣрала чай, сахаръ, табакъ и пр., и раздавала на каждый домъ поровну. Впрочемъ, особенной точности въ дѣлежъ не требовалось: если бы кому-нибудь случайно попало болѣе другихъ, онъ не преминулъ бы подѣлиться съ ними. Всѣ рады были одинаково, и дѣти и взрослые. Сначала всѣ нѣсколько стѣнялись, а потомъ пошелъ говоръ, каждый старался подойти и къ намъ, просто, чисто подѣтски смотрѣлъ въ глаза, старался что нибудь сказать, кто помнилъ,—порусски, а кто по японски. Совѣмъ привыкнувъ, нѣкоторые начали предлагать намъ на память разныя свои издѣлія: главнымъ образомъ, небольшія плетенныя коробочки, въ родѣ табакерокъ. Сдѣлано очень прочно, и, говорятъ, орудіемъ служить одинъ только ножикъ. Этимъ занимаются здѣсь женщины. Пресвященному такихъ подарковъ предложить не рѣшалось, а мнѣ попало ихъ много: стоило только первому подарить, за нимъ пошли и другіе, у меня и теперь еще живы эти коробочки, память о духовныхъ дѣтяхъ преосвященнаго Иннокентія. Однако, нужно было спѣшить, хотя и не хотѣлось оставлять этихъ милыхъ людей. Владыка каждаго благословилъ, нѣсколько разъ перекрестилъ ихъ, поручая ихъ

благодати Божіей и ангеламъ-хранителямъ, и мы пошли во тьмѣ къ своей лодкѣ. Опять женщины и двое мужчинъ взяли за весла, не жалѣя своихъ праздничныхъ костюмовъ. Мы отвалили отъ берега и подъ тотъ же печальный, стонущій причётъ поплыли къ пароходу, а на берегу во тьмѣ чуть-чуть сѣрѣла толпа христіанъ и доносился ихъ прощальный привѣтъ.

Наши гребцы всѣ поднялись съ нами на пароходъ, еще разъ приняли благословеніе отъ епископа и отъ насъ съ о. Игнатіемъ, еще разъ жалостное „прощай“, и лодка ушла въ темноту.

Очень милый народъ. Какъ-то сжимается сердце при видѣ этой дѣтской простоты, и при ихъ полной безпомощности предъ міромъ. Выжить ли они? Неужели ихъ стонущіе звуки есть предчувствіе ихъ полного исчезновенія? Долго мы смотрѣли въ тьму, куда скрылась лодка, а въ ушахъ все еще раздавался ихъ „прощай“. Какъ-то особенно трогательно звучить въ ихъ устахъ это дорогое, несравненное русское слово.

Сохранятся ли они въ ихъ теперешней чистотѣ, еще болѣе важный вопросъ. До сихъ поръ благодать Божія хранила ихъ, даже уберегла отъ прямого совращенія. На островъ прибылъ однажды бонза, можетъ быть, даже не безъ вѣдома правительства, хотѣли ихъ еще больше объяпонить. Бонза началъ было проповѣдовать и пр., но его круглая, бритая голова, завывающее пѣніе, его буддійскіе манеры только въ конецъ размѣшили нашихъ христіанъ,—такъ непризванный учитель и возвратился назадъ, не доспѣвъ ничего. Опасно для курильцевъ соприкосновеніе съ языческимъ міромъ: по словамъ о. Игнатія молодое поколѣніе уже не такъ просто, какъ старики, они уже болѣе видали видовъ и слышали разговоровъ, а нѣкоторые и читали. Впрочемъ, въ этомъ не мало и хорошаго: дѣтская, неразсуждающая вѣра выше всего, но она и опаснѣе, подобно тепличному растенію вынесетъ ли она холодъ и непогоду, если придется повстрѣчаться съ ними? Противъ искушеній нужна вѣра болѣе сознательная. Богъ поможетъ и нашимъ молодымъ курильцамъ сохранить вѣру, хотя они и разстанутся на вѣки съ дорогой и милой простотой дѣтскаго сердца.

Пароходъ тотчасъ же послѣ нашего приѣзда поднялъ якорь

и направился въ море. Во тьмѣ прошли мы узкій проливъ, предъ нами опять черный циклопическій бастионъ, который такъ чудно, точно въ скорлупѣ, скрываетъ въ себѣ зеленую, живописную внутренность острова. Теперь, впрочемъ, все было окутано мракомъ, только звѣздное небо слегка освѣщало развернувшуюся предъ нами ширь спокойно спавшаго моря.

Итрупъ.

2—14 августа. Наше родное Охотское море встрѣтило насъ особенно гостеприимно: я проснулся отъ сильной качки и, чувствуя себя прескверно, рѣшилъ не вставать, чтобы не было горше. Мы шли вдоль западнаго берега о. Итрупъ, самаго большаго изъ Курильскихъ, по счету второго съ юга. Какъ разъ по срединѣ этого острова у далеко выдающагося въ море мыса стоитъ городокъ Сяна, цѣль нашего путешествія. Сѣвернѣе его уже нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ поселеній; почтовой пароходъ по этому дальше не ходитъ. Заливъ Сяна совершенно открытый, такъ что въ сильный вѣтеръ здѣсь, говорятъ, иногда нельзя и высадиться съ парохода. На этотъ разъ особеннаго вѣтра не было, но зыбъ была большая, Кванко-мару и на якорѣ качалась какъ въ открытомъ морѣ.

Въ этомъ городѣ православныхъ, да и вообще христіанъ почти нѣтъ. Мы знали только, что дочь здѣшняго градоначальника (сип-чео, по японски) училась въ нашей кадетской школѣ и приняла тамъ крещеніе, потомъ по слухамъ, жилъ здѣсь еще одинъ христіанинъ, уже много лѣтъ пропавшій изъ виду и числившійся въ рейтанъ (въ ослабѣвшихъ). Нарочно ѣхать сюда было бы конечно нельзя, но если пріѣхали, нужно посѣтить и этихъ нашихъ овецъ.

Мы кое-какъ сѣли въ прыгавшій большой баркасъ, долго подходившій къ намъ съ берега. Было пасмурно, туманно, моросилъ едва замѣтный дождичекъ. Вѣтеръ продувалъ наши лѣтніе костюмы. Холодно—прехолодно... Японцы всѣ надѣли свои ватные кимоно, какъ зимой. И въ нихъ только-только можно было не зябнуть. Вотъ такъ начало августа! У насъ въ Тоокео теперь и въ лѣтнемъ платьи дышать нельзя отъ жары. Повѣяло Сибирью, Камчаткой...

Видъ съ моря на городъ и окрестности очень живопи-

сень. Особенно величественна гора на мысѣ, громадная, массивная, по временамъ подѣ вѣтромъ обнажавшая свои двѣ коническія красноватыя вершины. Городокъ пріютился подѣ ея сѣнью и совершенно пропадаетъ предѣ ея массой. Населенія здѣсь немного: домовъ 120, постройки полу—японскія, полувосточныя, на нашъ взглядъ слишкомъ легкія, напоминающія балаганы на какой-нибудь ярмаркѣ. Торговля, должно быть, идетъ оживленно, по крайней мѣрѣ, есть лавки лучшія чѣмъ въ самомъ Неморо. Городокъ служитъ центромъ для разныхъ промысловъ разбросанныхъ по морскому берегу. Но вообще говоря этотъ островъ еще пустъ, невоздѣланъ, даже дорогъ нѣтъ между его приморскими селеніями, довольствуются кое-какимъ морскимъ сообщеніемъ. Конечно со временемъ японцы и здѣсь поселятся, тѣмъ болѣе, что рыбныя промысла, а также минеральныя богатства и сюда начинаютъ привлекать предприимчивый народъ. Христіанская проповѣдь на этотъ островъ еще не проникала, а плодъ бы навѣрное быть. Затрудненіе главное въ томъ, что для этого незначительнаго мѣстечка, по его разобщенности съ остальнымъ міромъ, приходилось бы держать особаго катихизатора, а намъ теперь нужно соблюдать экономію въ людяхъ.

Мы прошлись по городу, выбирая болѣе безвѣтренныя мѣста и съ опаской поглядывая на накрывающія тучи. За городомъ на горкѣ стоитъ правленіе, одноэтажный, но широкой домъ, за высокимъ деревяннымъ тыномъ. Здѣсь живетъ градоначальникъ, въ квартиру котораго мы и направились. Въ гостинной пріятно было видѣть на самомъ почетномъ мѣстѣ небольшую иконку Богоматери. Правда, тутъ же рядомъ висѣла форменная фуражка и сабля хозяина, но отъ язычника большаго нельзя и ожидать; слава Богу, что онъ, будучи правительственнымъ чиновникомъ, позволяетъ своей дочери, одной въ городѣ, открыто исповѣдовать ея вѣру и даже икону повѣсить въ его пріемной комнатѣ. Вскорѣ пришелъ изъ присутствія и самъ хозяинъ, очень любезный человекъ, очевидно многое слышавшій о христіанствѣ и отчасти знающій его. Изъ разговора можно было заключить, что онъ и интересуется вѣрой, но, конечно, ему кажется нѣсколько унизительнымъ слушать ученіе отъ своей молодой дочери. Преосвященный Николай убѣждалъ его не-

пытать вѣру. Хозяинъ жаловался, что не можетъ достать книгъ, изъ которыхъ онъ могъ бы основательнѣе познакомиться съ православіемъ, а лично слушать какого - нибудь проповѣдника въ Сянъ никогда не придется. Владыка обѣщалъ ему выслать изъ Тоокео книгъ, особенно же новую, только что вышедшую книгу о. Павла Сато: „Сборникъ руководственный къ православію“, въ которомъ простымъ языкомъ, по вѣсѣмъ правиламъ японской стилистики, излагаются по порядку православныя догматы, основы церковнаго устройства, правоученіе и пр. Писана эта книга специально для испытующихъ язычниковъ.

Среди бесѣды пришла съ подносомъ въ рукахъ и наша молодая христіанка, которая, конечно, рада была этому посѣщенію: вышедши изъ Школы, она должна была удалиться съ отцемъ на этотъ островъ и только рѣдко - рѣдко могла видѣть своихъ одновѣрцевъ и говорить съ ними. Вѣру она хранила, молилась ежедневно, имѣла и молитвенникъ, только жаловалась, что исповѣдаться и причаститься здѣсь ей давно уже не приходилось. О. Игнатій уговорился съ нею относительно исповѣди въ свой слѣдующій пріѣздъ, хотя это и крайне неудобно здѣсь: никто не можетъ сказать въ точности, когда придетъ пароходъ, телеграфа сюда нѣтъ, а постоянные туманы и пр. дѣлаютъ рейсы парохода почти случайными. Впрочемъ, скоро и для этой отдаленной страны наступятъ болѣе счастливые дни: выходя изъ Неморо мы повстрѣчали большой казенный пароходъ, который работаетъ надъ проведеніемъ на Южно-курильскіе острова подводнаго кабеля.

Мы спросили у градоначальника, не здѣсь ли гдѣ-нибудь и нашъ другой христіанинъ Судзуки? Градоначальникъ сказалъ, что у него письмоводителемъ состоитъ Судзуки, только онъ не зналъ ничего о его христіанствѣ. Мы поручили о. Игнатію повидаться съ этимъ Судзуки, узнать тотъ ли это, котораго мы ищемъ. Признаться, хорошаго ничего отъ этого христіанина мы не ожидали: если даже ближайшій его начальникъ, да еще расположенный къ христіанству, про него ничего не зналъ, стало быть христіанинъ этотъ не особенно ревностенъ, чтобы не сказать больше. Мы походили около правленія, покуда о. Игнатій собиралъ справки. Наконецъ, онъ вернулся съ отвѣтомъ, что Судзуки

теперь принять насъ не можетъ, занимается въ канцеляріи, придетъ-де повидаться на пароходную пристань. Ну, стало быть, очень плохой вѣрующей, и навѣрное, на пристань не придетъ, только придумываетъ отговорки. Оказалось, приговоръ быть слишкомъ строгъ. Несмотря на сильный дождь, хлеставшій насъ при отъѣздѣ, Судзюки пришелъ, одѣтый въ лучшее свое платье, на глазахъ у всѣхъ принимать благословеніе, помнилъ и свое христіанское имя. Онъ, по его словамъ, уже двадцать лѣтъ, какъ принялъ крещеніе и съ тѣхъ поръ служилъ все по такимъ мѣстамъ, гдѣ не было православной церкви, въ Сяна живетъ лѣтъ 15—16; неудивительно, если онъ пропалъ изъ виду. Конечно, и вѣроученіе не помнитъ подробно. Владыка спросилъ помнитъ ли онъ вѣру, есть ли икона. „Вѣру-де помню и икона есть“. Владыка благословилъ его на память маленькой иконой, обѣщавъ прислать книгъ, чтобы возстановить ученіе. О. Игнатій уговорился съ нимъ объ исповѣди. Мы сошли уже на лодку, а нашъ Павелъ все еще стоялъ на берегу и долго кланялся намъ. Богъ дастъ, онъ и совсѣмъ поправится. „День этотъ не пропалъ у насъ даромъ“, сказалъ по этому поводу епископъ.

Отъ нечего дѣлать, осмотрѣли въ городѣ фабрику консервированной рыбы, принадлежащую знаменитому японскому богатому дому Мицуи. Довольно интересно. Длинный сарай, вдоль него идутъ столы для очистки, и укупорки рыбы; рабочихъ до 100 человекъ, кромѣ рыболововъ. При насъ пришелъ баркасъ съ рыбой, только что вынутой изъ сѣтей на взморьи. Безжалостно пошвыряли красивыхъ рыбокъ на высокій помостъ пристани. Рабочіе съ фабрики подхватили ихъ въ корзины. На фабрику тотчасъ же пошла работа. Одинъ отрѣзалъ рыбѣ голову и хвостъ съ плавниками, другой поспѣшно пласталъ, передавалъ третьему сполоснуть въ чистой водѣ, четвертый ожидалъ уже съ поднятымъ ножомъ: нужно разрѣзать рыбу на соотвѣтствующіе куски. А потомъ за столами сидѣлъ цѣлый рядъ рабочихъ, которые еще нѣсколько разъ промывали и очищали, чтобы въ концѣ концовъ туго набить рыбой небольшія жестянки, и передать ихъ пояльщику для закупорки. Затѣмъ, жестянки кипятятся въ котлѣ въ два приѣма, и консервы готовы, рыба варится въ ея собственномъ соку. На консервы идетъ крас-

ная рыба, по японски называемая „масу“ и „сяге“, и та и другая напоминает нашу семгу или лососину.

Мы долго пробыли на фабрикѣ, выжидая не прекратится ли дождь, начавшій лить, какъ изъ ведра. Но ожиданія оказались напрасными, такъ подъ дождемъ и пришлось пробираться по грязнымъ улицамъ на берегъ, въ контору пароходной компаніи, гдѣ до насъ обѣщать ожидать нашъ ревизоръ съ почтой. Около фабрики и по городу масса собакъ, всѣ самой подлинной Камчатской породы, мохнатые и здоровыя. На нихъ наши еспиряки ѣздятъ зимой. Питаются эти достойныя животныя по монашески рыбой и обнаруживаютъ полнѣйшее равнодушіе къ переменамъ погоды. Я долго любовался на одного пса, который преспокойно почивалъ подъ проливнымъ дождемъ, хотя всего два шага было до сарая. Пожалуй, и Діогенъ позавидовалъ бы этому собачьему стоицизму, хотя и носилъ почетное названіе кіоня (кіонъ, собака).

На баркасѣ вмѣстѣ съ нами неожиданно сѣли пять человѣкъ иностранцевъ, повидимому, англичанъ или американцевъ, подъ конвоемъ полицейскаго. Всѣ молодецъ къ молодцу, широкоплечіе, здоровые, съ загорѣлыми отъ солнца и вѣтра лицами, съ рѣшительнымъ взглядомъ. Самый слабый изъ нихъ, капитанъ слегка говорилъ по японски съ провожавшей ихъ хозяйкой гостиницы, остальные сурово молчали, сумрачно посматривая на непривѣтливое море. Оказалось, эти молодцы забрались въ здѣшнее море за котиками (въ скобкахъ можно назвать эту ловлю по просту воровствомъ). Шли они, конечно, не къ Итрупу, а далѣе на сѣверъ, такъ по крайней мѣрѣ, приходилось имъ объяснять японской полиціи, которая не похвалила бы ихъ за недозволенную ловлю у японскихъ острововъ. Къ несчастью для нихъ, капитанъ не рассчиталъ теченія, которое очень сильно между Итрупомъ и Кунасири, и ихъ маленькая шкуна налетѣла полнымъ ходомъ на скалу около южной оконечности Итрупа. Берегъ былъ недалеко, снесли туда паруса, канаты, все, что было на шкунѣ, разбитое суденышко продали за безцѣнокъ, и должны были пѣшкомъ тащиться чрезъ весь островъ до Сянъ, гдѣ можно было встрѣтить пароходъ и гдѣ они должны были предстать предъ свѣтлые очи правителя. Всѣ они, конечно, никакихъ паспортовъ отъ японскаго пра-

вительства не брали, и вотъ ихъ теперь полицейскій провожалъ до ближайшаго консульства, т. е. до Екохамы, чтобы передать ихъ туда, такъ какъ безъ паспорта иностранецъ по японской территоріи путешествовать не можетъ. Всѣ они были не веселы, но особенно унывалъ капитанъ, который вмѣстѣ со шкуной, терялъ и свою репутацію. Нашъ капитанъ изъ любезности предложилъ ему переночевать въ каютѣ, и мы ночью слышали его тяжелые вздохи. Нелегко должно быть бѣднягѣ!

Въ три съ половиной пополудни мы вышли изъ Сяна, чтобы идти прямо въ Неморо. Но вѣтеръ былъ сильный, море страшно волновалось, а къ ночи можно было ожидать настоящей бури. Поэтому капитанъ нашъ въ море идти не рѣшился. Часа чрезъ два ходу мы остановились въ такомъ же открытомъ заливѣ у городка Рубецу. И здѣсь пароходъ слегка покачивало, но все не такъ какъ въ Сяна. О. Игнатій поѣхалъ съ ревизоромъ на берегъ справиться о христіанахъ: мы хорошенько еще и не знали, есть ли здѣсь кто-нибудь изъ нашихъ; по слухамъ только, здѣсь должны были быть одинъ или двое.

Рубецу довольно извѣстно и въ русской морской исторіи. Здѣсь разбойничали два русскихъ лейтенанта Давыдовъ и Хвостовъ на корабляхъ Россійско-американской компаніи. Посоль Екатерины, разсерженный неудачей своей миссіи, послалъ ихъ проучить японцевъ, конечно, безъ вѣдома русскаго правительства. Это тотъ самый посоль (Резановъ), который, съ чисто русской дальновидностью, подходя къ Японіи, приказалъ попятать на кораблѣ всѣ признаки христіанства, запретилъ матросамъ даже крестное знаменіе совершать, чтобы не возбудить неудовольствія въ японцахъ. И, конечно, этимъ только еще болѣе могъ уронить престижъ русскаго имени. Хвостовъ и Давыдовъ совершали около Рубецу высадки, грабили окружающія деревни, и къ довершенію всего ставили вездѣ столбы съ русской надписью и объявляли землю русскимъ владѣніемъ. Немного послѣ и, кажется, именно въ этомъ самомъ Рубецу обманомъ былъ заманенъ въ плѣнъ знаменитый Головинъ со своими путниками, долго потомъ томившійся въ японскомъ плѣну.

Въ настоящее время Рубецу небольшой поселокъ (около 100) домовъ). Около него по берегу далеко идутъ узкой ли-

ней и рыболовные промысла. Очевидно, полной жизнью городъ живетъ только лѣтомъ и во время лова рыбы, въ остальное же время тутъ особеннаго оживленія нѣтъ.

Мы съ Владыкой остались на пароходѣ: ѣхать на берегъ подѣ вечеръ не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что и о существованіи вѣрующихъ хорошенько мы не знали. И хорошо сдѣлали, что остались: немного погодя пришелъ капитанъ, заговорилъ съ епископомъ, „какъ-бы хорошо-де было бы послушать васъ, вы столько лѣтъ живете въ Японіи, видѣли и паденіе сегуна, знаете лично, что такое была сегунская Японія. Намъ, молодымъ хотѣлось бы послушать вашъ рассказъ объ этомъ“. Но владыка рассказывать про старину отказался, „лучше-де послушайте что-нибудь про наше ученіе, вѣдь, мы только для этого здѣсь и живемъ и путешествуемъ“. Капитанъ охотно согласился: вообще имъ хотѣлось послушать Николая.

Въ нашу небольшую каютъ—компанію сошлись почти всѣ, бывшіе на пароходѣ. На полукругломъ диванѣ по кормѣ сѣли офицеры, механики, на полу по посланной циновкѣ тѣсно размѣстились матросы и человѣка два постороннихъ, едва ли не единственные пассажиры третьяго класса. Матросы, по возможности, вымылись, даже надѣли европейское платье. Капитанъ ихъ заботливо осматривалъ хозяйскимъ взглядомъ, показывалъ кое-кому позабытыя пуговицы. Одинъ дяденька какимъ-то чудомъ влѣзъ въ маленькій пиджакъ, который грозилъ разлетѣться по швамъ при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи. Но всетаки всѣ были настроены на парадный ладъ и съ любопытствомъ посматривали на епископа и меня.

Преосвященный присѣлъ у стола на стулѣ и, обратившись ко всѣмъ, съ часъ говорилъ, вкратцѣ излагая основные пункты христіанскаго ученія: о Богѣ единомъ, таинствѣ Пр. Троицы, о твореніи міра, о человѣкѣ съ его бессмертной душой и вѣчными запросами, о грѣхопадении и о спасеніи, уготованомъ людямъ во Христѣ. Отъ этого Христа происходитъ и ученіе, нами теперь проповѣдуемое. Нельзя называть его русскимъ или еще какимъ—нибудь, оно Божіе, пришедшее свыше и принадлежащее всѣмъ людямъ безъ различія страны и народа. Поэтому, и принимать это ученіе неунизительно ни для какого національнаго сознанія,

какъ неунизительно перенимать, напр., пароходы желѣзныя дороги и пр. полезныя для жизни изобрѣтенія. Объявляя свое ученіе единой истинной вѣрой, мы не говоримъ, что ваши теперешнія вѣрованія нѣкуда не годятся. Нѣтъ, и въ буддизмѣ, и въ синтоизмѣ много хорошаго, что признаемъ и мы. Только эти религіи несовершенны, онѣ выдуманы самими людьми при незнаніи истиннаго Бога. Это тоже, что лампа, придуманная, чтобы освѣщать житице человѣка, когда нѣтъ солнца. Лампа—очень полезная и даже необходимая вещь вечеромъ или ночью, но никому и въ голову не придетъ зажигать ее днемъ. Такъ и буддизмъ, и синтоизмъ хороши только при отсутствіи христіанства, при незнаніи истиннаго Бога, съ появленіемъ же этого занятія, они должны уступить.

Больше часу говорить было невозможно: слушатели не привыкли подрядъ долго слушать, да и были очень утомлены дневнымъ трудомъ. По окончаніи бесѣды, матросы разошлись, а офицеры остались еще побесѣдовать. Владыка убѣждалъ ихъ всячески изслѣдовать вѣру. Капитанъ попросилъ прислать книгъ, чтобы можно изучать вѣру и на пароходѣ. Ему, конечно, это было обѣщано; сообщенъ также и адресъ нашего священника въ Неморо, чтобы могъ, если захочетъ, поговорить съ нимъ во время своихъ стоянокъ тамъ. Впрочемъ, неизвѣстно, долголи проплаваетъ нашъ любезный капитанъ въ этихъ моряхъ. У нихъ обыкновеніе по возможности часто переводить офицеровъ съ одной линіи на другую, чтобы дать имъ случай познакомиться со всеми морями.

Владыка еще не кончилъ своей бесѣды съ офицерами, какъ съ берега вернулся сіяющій о. Игнатій: онъ отыскалъ единственнаго жившаго здѣсь православнаго христіанина, котораго и привелъ съ собою къ намъ на пароходъ. Этотъ христіанинъ оказался очень хорошимъ вѣрующимъ, въ домѣ у него большая икона въ прекрасномъ кіотѣ, самъ съ радостью заговорилъ объ исповѣди, о причащеніи, явивъ давно здѣсь онъ лишенъ былъ всего этого. По своему положенію, онъ главный лѣсничій здѣшнихъ казенныхъ лѣсовъ, человѣкъ, стало быть, отчасти съ вѣсомъ. Мы, къ сожалѣнію, не могли поговорить съ нимъ подробно: лодочникъ торопилъ, боясь поднимающагося вѣтра. Этотъ христіанинъ,

между прочимъ, сказать, что его, можетъ быть, переведутъ наблюдателемъ лѣсовъ на самый сѣверъ, на островъ Парамуспро. Вотъ было бы хорошо для нашихъ Сикотанцевъ, если они туда, дѣйствительно, опять переселятся. Христианинъ-чиновникъ сохранить ихъ и отъ соблазновъ (такъ какъ самъ блюдетъ свою вѣру), да можетъ защитить ихъ и отъ какихъ-нибудь несправедливостей, если таковыя послѣдуютъ со стороны языческихъ чиновниковъ,

3—15 августа. Стояли въ Рубецу до 10 часовъ утра (чтобы придти въ Неморо при свѣтѣ: ходу всего 18 часовъ). Было тепло, хорошо. Только живописныя горы острова покрыты были густыми, низкосидящими облаками. Мы долго шли вдоль береговъ Итрупа, любясь его живописными горами, иной разъ принимавшими самыя причудливыя формы. Особенно запомнилась скала „Левъ“, напоминающая собою знаменитаго Сфинкса. Погода была относительно хорошая, море достаточно спокойно, можно было до нѣкоторой степени и не хворать морской болѣзью, хотя я и не могъ вполне примириться съ качкой. Но вотъ вошли въ проливъ между Итрупомъ и Кунасири. Я еще издали замѣтилъ какое-то странное явленіе въ морѣ: гладкая, почти зеркальная поверхность воды послѣ какой-то невидимой черты вдругъ начинала нестово волноваться, почти клокотать. Эта встрѣча теченій изъ Океана и изъ Охотскаго моря. Въ этомъ мѣстѣ всегда толчя, волны короткія, невыносимыя для склонныхъ къ морской болѣзни. Мы нѣкоторое время шли по самой грани этой толчеч: съ права море спокойное, слѣва клокотаніе. Это, конечно, было весьма интересно наблюдать, но когда пришлось переходить черезъ точку, я сталъ подумывать, не пора ли и въ койку ложиться. Хуже всего было то, что къ вечеру стали набѣгать туманы, изъ за которыхъ еще болѣе задерживался и безъ того не вполне курьерскій нашъ ходъ. Въ семь часовъ, однако, я не выдержалъ и легъ, надѣясь завтра встать уже при полномъ спокойствіи моря въ Немороской пристани.

4—16 августа. Проснулся я очень рано, часа въ 4 и сразу съ удовольствіемъ замѣтилъ, что пароходъ нашъ стоитъ на якорѣ: стало быть пришли. Скорѣе одѣваюсь, и на палубу: Густой туманъ окутаетъ нашу „Квапко-мару“, не видать нигдѣ ничего. Мы стоимъ на якорѣ въ открытомъ морѣ, да и

опредѣлить хорошенько не можемъ, гдѣ находимся и какъ далеко до Неморо: туманъ и теченіе окончательно сблизил насъ съ курсомъ. Вотъ такъ море! Въ такомъ безпомощномъ положеніи простояли часовъ до 9, когда немного пояснѣло. Оказалось, что Неморо совсѣмъ не далеко и что мы прошли довольно порядочно на востокъ. Обернулись и съ увѣренностью пошли впередъ; къ 10 часамъ были уже въ гавани, такой же туманной.

Первымъ нашимъ вопросомъ при входѣ въ гостиницу было: когда уходитъ пароходъ въ Хакодате? Намъ отвѣтили: по росписанію долженъ идти въ четвергъ (сегодня только вторникъ), навѣрное же выйдетъ въ пятницу. Приходится ждать безъ толку цѣлыхъ четыре дня. Времени терять жалко было, а о. Игнатій и раньше много говорилъ о разныхъ мѣстечкахъ на морскомъ берегу къ сѣверу отъ Неморо, гдѣ были у него слушатели, и гдѣ вообще была большая надежда на распространеніе вѣры. Интересно было и это осмотрѣть, чтобы потомъ на соборѣ, если зайдетъ рѣчь о посылкѣ туда катихизаторовъ, знать, о чемъ идетъ рѣчь. Рѣшили, поэтому, что преосвященный одинъ остается въ Неморо праздновать съ христіанами Преображеніе и потомъ въ пятницу уѣдетъ въ Тоокео (онъ и безъ того уже значительно опоздалъ); мы же съ о. Игнатіемъ отправимся вдвоемъ въ упомянутыя мѣста. Въ Сибецу и Кумбецу (собственно говоря, Сибетъ и Кумбетъ, айноскія слова), есть по одному человѣку и вѣрующихъ, недавно крещенныхъ. До Сибецу около 17 ри (ри равняется четыремъ верстамъ безъ трехъ десятыхъ), потомъ оттуда до Кумбецу—5 ри. Все это разстояніе нужно проѣхать верхомъ на лошади. Кавалеристъ я вообще довольно плохой; въ дѣтствѣ однажды проѣхалъ нѣсколько сажень на казаккомъ сѣдлѣ, потомъ въ Палестинѣ ѣздилъ на осликѣ. Вотъ и вся практика. Впрочемъ, ѣздить же люди, отчего не попробовать и мнѣ? тѣмъ болѣе, что большого осла только истые зоологи могутъ сразу отличить отъ маленькой лошади. Подкрѣпившись этимъ силогизмомъ, я рѣшилъ на завтра не отставать отъ о. Игнатія.

Архимандритъ Сергій.